

Хэ Сюэчжэнь продолжил разыгрывать недоумение, изобразив на лице полнейшую растерянность:

— О какой ненависти речь? С чего ты вообще это взял?

Цуй Чжи в упор посмотрел на него:

— Если не ненавидишь, то с какой стати ни с того ни с сего расторгаешь помолвку?

— А тут есть о чём спрашивать? Просто разлюбил, — пожал плечами Хэ Сюэчжэнь. — К тому же, братец Цуй, ты ведь тоже ко мне ничего не испытываешь. Разве такой исход — не лучшее решение для нас обоих?

В прошлой жизни Цуй Чжи с самой первой их встречи оставался всё тем же холодным, нелюдимым сухарем. Хэ Сюэчжэнь бегал за ним тенью — тот не выказывал ни радости, ни раздражения. Когда школа Наполненных Созвездий отправила свадебные дары, Цуй Чжи принял их с тем же безучастным видом. Хэ Сюэчжэнь тогда наивно рассудил: раз не отверг, значит, не так уж я ему и противен, а там стерпится — слюбится. Лишь годы спустя до него дошло, как жестоко он заблуждался. Чужое сердце не отогреть, если оно соткано из льда.

Цуй Чжи нахмурился:

— Не тебе решать, есть между нами чувства или нет. Я не согласен расторгать помолвку.

Хэ Сюэчжэнь искренне изумился. Такого упрямства от Цуй Чжи он никак не ожидал.

— Братец Цуй, к чему это упорство? — мягко возразил он. — Я к тебе больше ничего не чувствую. Зачем цепляться за то, чего нет? Если слухи поползут, обоим же боком выйдет. К тому же, если наша школа Наполненных Созвездий решит разорвать этот союз, неужели семья Цуй посмеет перечить?

Хэ Сюэчжэнь попал в самую точку. Лицо Цуй Чжи потемнело от досады. Он долго всматривался в юношу, пытаясь разгадать его замысел. Уж кто-кто, а Цуй Чжи прекрасно знал, как безумно тот был в него влюблен. Неужели это очередная глупая уловка? Решил поиграть в кошки-мышки, чтобы привлечь внимание?

Прежде Хэ Сюэчжэнь уже пытался прибегать к подобным детским хитростям, но Цуй Чжи всегда их попросту игнорировал, зная, что рано или поздно тот сам прибежит обратно. Что ж, на сей раз ему даже стало любопытно, насколько хватит этого напускного безразличия.

— Отлично! Раз ты так жаждешь разорвать помолвку — будь по-твоему! — ледяным тоном бросил Цуй Чжи и, развернувшись, стремительно зашагал прочь.

У него хватало куда более насущных забот. Будучи наследником пришедшего в упадок клана, он на каждом шагу сталкивался с пренебрежением и ограничениями. Чтобы вырваться из этих

тисков, требовалось немедленно поднять уровень совершенствования. Бездна Спокойных Вод сейчас так и кишела демонами и тварями, но именно там, среди скверны, скрывалось идеальное место для тайных тренировок.

Заметив, как Цуй Чжи в ярости покидает их обитель, Хэ Чуншань тут же принялся допытываться у сына, о чём они говорили. Однако Хэ Сюэчжэнь даже бровью не повел: сославшись на то, что раны ещё не затянулись и ему нужен покой, он просто развернулся и ушёл к себе.

Спустя несколько дней от семьи Цуй действительно пришло официальное соглашение на расторжение помолвки. С этим делом было покончено. Почувствовав невероятную легкость на душе, Хэ Сюэчжэнь теперь даже на этих двух ничтожествах — Хэ Чуншаня и Фань Сюэпина — ухитрялся смотреть без прежнего отвращения.

Хэ Чуншань вскоре вызвал его к себе и показал список будущих учеников золотой ступени, утвержденный старейшинами. Отец явно рассчитывал, что после обнародования списка Хэ Сюэчжэнь замолвит за Фань Сюэпина словечко перед другими адептами, чтобы сгладить недовольство. Всё шло точь-в-точь как в прошлой жизни. Ничуть не удивившись, Хэ Сюэчжэнь решил немного развлечься и пощекотать родителю нервы. Округлив глаза, он с наигранным изумлением протянул:

— О надо же! А как младший брат Сюэпин умудрился оказаться в этом почетном списке?

Хэ Чуншань насупился:

— Вы оба — мои ученики. Разве зазорно для учителя немного продвинуть способного юношу?

Хэ Сюэчжэнь сокрушенно покачал головой:

— Продвигать адепта, который после стольких спусков с горы так ничему и не научился, умудрился привлечь личи-демона и едва не погубил весь отряд... О да, отец, твоему упорству можно только завидовать. И как только сил на всё хватает?

На лице Хэ Чуншаня проступило явное замешательство. Неловко кашлянув, он напустил на себя строгий вид:

— Разве мы не договаривались больше не ворошить это дело? Ты сам не уследил за младшим братом, а теперь пытаешься свалить на него всю вину! Этому, по-твоему, я тебя учил?

«Да уж, именно твоим урокам уступчивости и кротости я следовал в прошлой жизни, — мысленно усмехнулся Хэ Сюэчжэнь. — Терпел, молчал, пока сам же не пригрел змею на груди».

Тогда он был непроходимым глупцом, полагавшим, что если беспрекословно подчиняться отцу, тот одарит его хоть каплей искренней родительской любви. Теперь пелена спала с его глаз.

Хэ Сюэчжэнь лишь хмыкнул:

— Ещё ты учил меня справедливости, отец. Но вот этот список назвать справедливым язык как-то не поворачивается.

Хэ Чуншань вспыхнул и в упор уставился на сына:

— Чжэнь-эр, с тех пор как ты понёс наказание, я тебя не узнаю. Стал дерзить, перечить... Затаил на отца обиду?

— Ну что ты, как я смею, — лениво отозвался Хэ Сюэчжэнь. — Наш младший брат Сюэпин ведь безгрешен, а во всех бедах виноват исключительно я.

Хэ Чуншань долго буравил его тяжелым взглядом, после чего вздохнул и заговорил мягче, пытаясь воззвать к родственным чувствам:

— Ты мой родной сын, оттого я и требую с тебя строже. На отца не обижаются, Чжэнь-эр. Рано или поздно ты поймёшь, что всё это ради твоего же блага.

Эти заезженные речи Хэ Сюэчжэнь знал наизусть, и они больше не трогали его душу.

— Знаешь, отец, твоя безграничная забота так утомляет... Может, перенаправишь её на Сюэпина? Пусть и он приобщится к твоей суровой мудрости.

Хэ Чуншань так и застыл с открытым ртом, не найдя, что ответить на подобную дерзость. Просить о поддержке Фань Сюэпина теперь было совершенно бессмысленно. Проводив удаляющегося сына раздосадованным взглядом, он тут же велел созвать нескольких приближенных старейшин, чтобы обсудить дальнейшие шаги.

Вскоре настал день оглашения имен учеников золотой ступени. Площадь перед доской объявлений гудела, адепты сновали туда-сюда. Цю Хуало, едва скользнув взглядом по свитку, резко переменился в лице. Имена остальных кандидатов не вызвали вопросов, но присутствие в списке Фань Сюэпина казалось полнейшим абсурдом. Тот едва переступил порог школы, да и в силе заметно уступал. С какой стати его продвинули в обход тех, кто заслужил это годами упорных тренировок?

В голове Цю Хуало завертелись слова, оброненные накануне Хэ Сюэчжэнем. Пазл сложился: это чистейшей воды кумовство, глава клана попросту продвигает своего любимчика. Закипая от благородного гнева, вспыльчивый юноша не пожелал молча сносить несправедливость и решил немедленно потребовать от наставника объяснений.

Хэ Сюэчжэнь заранее предвидел подобный порыв и загодя отправил вестника к Первому старейшине.

Первый старейшина, хоть и славился крутым нравом и органически не переносил подлости,

всё же обладал житейской мудростью. Понимая, что устроив скандал, глупый ученик лишь подставит себя под удар, он перехватил Цю Хуало на полпути.

Заметив преградившего путь учителя, Цю Хуало нехотя направил меч к земле. Спрыгнув на тропу, он с трудом сдерживал рвущуюся наружу обиду:

— Учитель, вы ведь тоже видели этот список! Моё совершенствование ничуть не уступает навыкам Сюэчжэня и остальных! Почему моё место должен занять выскочка, не пробывший в школе и полувека?

Оценив неразумную горячность воспитанника, Первый старейшина отвесил ему весомый подзатыльник, от которого тот кубарем покатился по траве.

— Сначала вернись в мою обитель, олух! Нечего тут позориться на глазах у всей школы!

Лишь когда они скрылись под сводами пещерного жилища старейшины, тот тяжело опустился на каменное ложе и проворчал:

— И куда ты нёсся сломя голову? Высказывать претензии главе клана? Ты хоть понимаешь, глупец, с кем тягаться вздумал?

— Ученик не может смириться с такой несправедливостью, — буркнул Цю Хуало, обиженно потирая ушибленное место.

— Да, Фань Сюэпин уступает тебе в силе, — неохотно заговорил Первый старейшина, пытаясь подобрать хоть сколько-то убедительные доводы, хотя сам прекрасно понимал их фальшь. — Но глава клана и старейшины в один голос твердят, что его талант поистине исключителен. Он просто пришёл позже остальных. Дай ему время, и он вполне может тебя превзойти.

— Пустые разговоры! — вскинулся Цю Хуало. — Путь совершенствования признаёт только реальную силу, а не призрачные обещания! Если рассуждать о времени, то дай мне лишнюю сотню лет, и я, может, самого главу превзойду!

Старейшина лишь воззрился на него, не зная, что возразить на столь дерзкое, но логичное заявление. А юноша, понизив голос, выпалил самое сокровенное:

— Всё это фарс! Фань Сюэпин — незаконнорожденный сын нашего великого лидера! Наш почтенный глава банально продвигает собственную кровь!

От подобного обвинения Первый старейшина даже подскочил:

— Придержи язык! С такими обвинениями шутки плохи! Кто вбил тебе в голову эту чушь?

Помня о данном Хэ Сюэчжэню обещании, Цю Хуало лишь упрямо сжал губы. Старейшина, прищурившись, спросил:

— У тебя есть хоть какие-то доказательства, кроме слухов?

Юноша на миг задумался, и его глаза лихорадочно блеснули:

— Будут вам доказательства! Подождите меня, учитель, я мигом!

Он пулей вылетел из пещеры. Оставшись в одиночестве, Первый старейшина хмуро размышлял о преподнесенной новости. Сердце его наполнилось гневом: если Хэ Чуншань действительно посмел запятнать честь ордена подобным бесстыдством, он не побоится пойти против главы, чтобы восстановить справедливость.

Цю Хуало бесследно пропал почти на две недели. Тем временем известие о назначении Фань Сюэпина вызвало среди учеников настоящую бурю. Однако Хэ Чуншань умело управлял настроениями: его прихвостни всю расхваливали таланты юноши, а верные старейшины услужливо кивали в знак согласия. Постепенно ропот недовольства сошёл на нет, уступив место смирению. Настал день торжественной церемонии посвящения.

Чжао Чжэньчжэнь заранее приготовила для Хэ Сюэчжэня новое облачение ученика золотой ступени, щедро усыпав ткань защитными заклинаниями и рунами. В день церемонии юноша примерил обновку и в сопровождении приятелей отправился на главную площадь. Фань Сюэпин уже красовался там, собирая лицемерные поздравления от толпившихся вокруг адептов. Завидев соперника, он вальяжной походкой направился к нему с приторной улыбкой на губах:

— Старший брат Сюэчжэнь, посмотри на меня! Отныне я тоже ученик золотой ступени. Как бы мне хотелось услышать из твоих уст искренние поздравления!

Хэ Сюэчжэнь оставался абсолютно невозмутим:

— Обряд ещё не завершён. Вот когда примешь посвящение, тогда и поговорим.

Окружающие тут же закивали, подхватывая его слова:

— И то верно, старший брат Сюэчжэнь зрит в корень! Сюэпин, тебе стоит поучиться у него терпению.

— Вот именно, Сюэчжэнь всегда зря слов на ветер не бросает.

Спесивая улыбка сползла с лица Фань Сюэпина.

Церемония началась. В небе над площадью зависли многочисленные артефакты и летающие платформы, выстроившись в идеально ровные ряды, подобные парящим мостовым. На них разместились адепты внутреннего круга, в то время как внешние ученики заполнили землю внизу. Хэ Чуншань и десять старейшин величественно восседали на высоком помосте.

Шестеро избранных во главе с Хэ Сюэчжэнем выстроились у подножия трибуны. Хэ Чуншань

величаво зачитывал имена, и юноши по очереди поднимались для совершения ритуала. Завершив обряд, Хэ Сюэчжэнь занял своё место на золотой ступени подле старших соучеников. Мысли его, однако, были далеко:

«Куда запропастился Цю Хуало? Неужто отыскать уцелевших членов семьи Фань оказалось так трудно, что он упустил время?»

Наконец настала очередь последнего новобранца. Когда Хэ Чуншань произнёс имя Фань Сюэпина, взгляд его на мгновение потеплел, наполнившись почти отеческой нежностью. Фань Сюэпин, тщетно пытаясь скрыть торжество, смиренно склонил голову и сделал первый шаг к возвышению. В этот самый миг прямо к границе площади вихрем примчался всадник на парящем мече. Рассекая воздух, над толпой разнёсся громopodobный клич:

— Пойдите!

Поскольку над священной площадью полёты были строжайше запрещены, пришелец резко спрыгнул на землю и, расталкивая ошеломленных учеников, закричал, вливая в голос духовную силу:

— Назад! Фань Сюэпин не заслуживает звания ученика золотой ступени! Остановите обряд!

Выкрик прокатился над притихшей площадью подобно раскату грома. Толпа мгновенно взорвалась шёпотом и ропотом. Фань Сюэпин замер как вкопанный, не зная, куда деть руки от растерянности. Хэ Чуншань среагировал молниеносно. Лицо его даже не дрогнуло, когда он повелительным жестом обрушил на возмутителя спокойствия волну чистой энергии, подкрепив удар ледяным окриком:

— Кто смеет бесчинствовать на священной церемонии?! Вон отсюда!

Сила удара главы ордена могла запросто раздавить юного Цю Хуало, но прежде чем смертоносный поток настиг его, Первый старейшина совершил едва заметное движение пальцами. Плотный золотой барьер сооткнулся прямо перед смутьяном, укрыв его и стоявших рядом учеников. Раздался глухой металлический звон — атака разбилась об щит, пустив по воздуху дрожащую рябь угасающих искр.

Голос Первого старейшины, усиленный внутренней энергией, разнёсся над площадью, заставляя умолкнуть даже ветер:

— Мой ученик никогда не бросает слов на ветер. Будьте любезны, почтенный глава, выслушать его до конца.

Насупившийся Хэ Чуншань уже открыл было рот, собираясь отдать приказ страже, но Цю Хуало ловко проскользнул вперед и, рухнув на колени перед помостом, громко объявил:

— Ученик имеет сообщить дело чрезвычайной важности!

Хэ Чуншань процедил сквозь зубы:

— Какое бы дело у тебя ни было, оно вполне может подождать до завершения праздника.

— Мой доклад касается непосредственно Фань Сюэпина! — упрямо выкрикнул Цю Хуало. — Я утверждаю, что он недостойн этой чести! На золотую ступень должны восходить лишь сильнейшие из сильнейших. И хотя Фань Сюэпин не обделён талантом, в честном бою он уступит даже мне! Младший брат Фань, если ты мужчина, рискнёшь ли скрестить со мной мечи прямо сейчас?

Хэ Чуншань в гневе хлопнул по подлокотнику кресла:

— Дерзость! Цю Хуало, священная площадь ордена — не место для твоих глупых кулачных забав!

«Да уж, красноречием парень явно не обделен, а вот вести споры совершенно не умеет», — мысленно вздохнул Хэ Сюэчжэнь, наблюдая за этой сценой со стороны. Цю Хуало заладил одну и ту же волюнку про силу и боевой опыт, начисто забыв о главном козыре. До разгадки тайны происхождения Фань Сюэпина дело так и не доходило, отчего Хэ Сюэчжэнь начинал понемногу терять терпение.

«Да выкладывай же ты свои доказательства, олух, не тяни кота за хвост!»

Первый старейшина, разделяя нетерпение собравшихся, бесцеремонно прервал бестолковую тираду ученика:

— Почтенный глава, по ордену ходят упорные слухи, будто Фань Сюэпин — ваш родной сын по крови. Скажите на милость, есть ли в этих речах хоть доля правды?

Хоть старейшина и рубанул с плеча, эффект превзошел все ожидания. Над толпой пронесся дружный вздох ужаса и изумления. Хэ Сюэчжэнь краем глаза заметил, как побледнела стоявшая среди старейшин Чжао Чжэньчжэнь. Переводя яростный взгляд с Фань Сюэпина на мужа, она ледяным тоном процедила:

— Хэ Чуншань! Что это значит?! Это правда?!

Выдержке главы ордена можно было позавидовать. На его холеном лице не дрогнул ни один мускул, а голос остался ровным и твердым:

— Бессовестная ложь! Первый старейшина, я не ожидал, что в попытке выгородить нерадивого ученика вы опуститесь до столь гнусной клеветы. Вы меня глубоко разочаровали.

— Ну нет, наговаривать на главу я бы не посмел, — отрезал Первый старейшина. В глубине души он тоже немного сомневался, но мосты были сожжены, и отступить теперь не имело смысла. — Хуало, если у тебя есть вещественные доказательства, предъяви их собранию. Пусть люди сами рассудят.

Хэ Чуншань тоже впери́л тяжелый взор в дерзкого юношу. Семья Фань была стёрта с лица земли, и тайна рождения мальчика, казалось, ушла в небытие вместе с ними. О его происхождении знали лишь двое — он сам да покойная наложница. Каким образом этот сопляк сумел раскопать правду? Неужели у него действительно есть неопровержимые улики?

Цю Хуало выпрямился и громко скомандовал:

— Старший брат Дюци! Прошу вас, ведите их сюда!

Дюци, добродушный вековой привратник школы Наполненных Созвездий, послушно выступил вперед. Следом за ним шли двое — мужчина и женщина в простых домотканых одеждах. Несмотря на потрепанный вид и явные следы тяжелых испытаний на лицах, в их осанке угадывалась былая принадлежность к миру заклинателей.

Стоило Фань Сюэпину разглядеть лица прибывших, как он оцепенел, не в силах вымолвить ни слова, лишь зубы его мелко застучали от подступившего ужаса.

Хэ Чуншань тоже едва заметно переменился в лице, сиюсь скрывать проступившую тревогу.

<http://bllate.org/book/18268/1750893>